

**Верочка
и
Анечка**

Вера Кашканова

Вера Кашканова

Верочка и Анечка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70607914

SelfPub; 2024

Аннотация

Переживания, сомнения и радости впервые родившей молодой мамы. Она – будущий врач и прекрасно знает теорию, но практику вынуждена изучать на собственном опыте. Вторая часть – рассказы ее выросшей дочери о своем не совсем обычном детстве. Рисунок обложки создан при помощи нейросети Kandinsky 3.0.

Вера Кашканова

Верочка и Анечка

Весна

Замечательное время – конец мая! Зелено и свежо. Солнце уже греет по-летнему, но нет-нет, да и налетит прохладный ветерок, зашуршит вмиг озябшей листвой деревьев, заставит прохожих, поеживаясь, опасливо вглядываться в небо. Но, уже свершилось! Скоро лето! Даже постоянные городские жители воробьи и те чирикают немного по-другому, громко и задорно, не опасаясь сорвать на морозе голос. Все пространство наполнено запахами весны, скорого обновления, оно вибрирует, дрожит от нетерпения дать новую жизнь природе. И она, подчиняясь этому нетерпению, с легким вздохом облегчения освобождает от зимней скованности все вокруг. Скоро-скоро наберется сил и зашумит могучим потоком летняя развеселая жизнь. Осталось совсем чуть-чуть!

В палате чисто и тихо. Весенняя сумятица шумит где-то там, за стеклами окон родильного дома. Но даже в этой тишине я ощущаю себя маленькой клеточкой большой природы. И эта маленькая клеточка готова вот-вот принести в мир новое существо. Совершить чудо рождения новой жизни, нового маленького человечка, который будет расти и наби-

раться сил вместе со всем остальным миром, вместе со мной будет радоваться и теплему солнцу, и голубому небу, и веселым пташкам, и просто жизни.

Кто ты, который во мне? Который или которая? Я люблю тебя, мой малыш. Глядя свой живот, я ласкаю тебя, дорогое мое чудо. Ты меня слышишь? Ох! Он услышал! Толчок ножкой сильнее обычного. Говорят, ребенок уже с трех-четырёх месяцев, находясь в утробе мамы, слышит звуки, а к рождению начинает узнавать мамин голос. Мой малыш точно слышит меня – я это чувствую!

Наконец пришло время схваток. Боль повторяется и усиливается каждые десять, пятнадцать минут. Я знаю, так и должно быть. Мужественно терплю, ем шоколад, чтобы силы не покинули меня во время родов. Моя сокурсница, чтобы поддержать меня написала стихотворение. Она совсем не профессиональная поэтесса, написала, как смогла, просто хотела сделать мне приятно. Тем не менее, ее стихи запомнились, и теперь хожу по палате в ожидании родов и читаю про себя:

- Странно ощущать в себе кого-то,
- Чувствовать душою чью-то жизнь.
- Это я и он (ребенок в моей плоти),
- И пока живем на свете жизнью одной.
- Но вот он вдруг зашевелился,
- Казалось, маленький такой.
- На весь утробный мир зачем-то рассердившись,

– Свободу он потребовал ногой!
– И вот стучит он днем и ночью,
– Как бы крича: вот я какой!
– И к папе выпустить он просит,
– Что б посмотреть «Кто он такой?»
Скоро, мой малыш, скоро ты увидишь своего папу!

Начало новой жизни

Под утро кажется, что боль становится невыносимой. Но надо потерпеть ещё чуть-чуть. Ради чуда, которого мы ждали долгих девять месяцев. Чтобы отвлечься, смотрю как начинается новый день. Над горизонтом, в светлеющем небе появилась ярко-красная заря. Птицы думают, что первыми увидели начало нового дня и щебечут, чирикают, как бы напоминая всем – просыпайтесь, начинается новый день! Глупые, я и не спала. Уже целую ночь я жду начала. Ну, когда же, когда?

В палате вместе со мной ещё одна женщина, она рождает уже сутки, кричит невыносимо. Я вижу, что врачи делают все возможное, чтобы облегчить её страдания, но побороть боль не могут и они. Мне жаль её, бедняжку. И себя немного жаль. Тоже покричать придется. Видно, такая доля уготована женщинам, чтобы дать начало новой жизни, надо испытать и боль, и страдания, и муки. Я терпеливо жду момента,

когда от невероятной боли тоже начну кричать. Вот, кажется уже и пора. Так больно, что кричать уже не стыдно. Но тут подходит врач и спокойно приглашает: «Пойдем, сейчас будешь рожать».

Вот так все просто и буднично? Я-то понимаю, для них это всего-навсего, работа. И приход новой жизни в наш мир – обычное дело. Умом понимаю, но душой и сердцем понять не могу. Сама несколько раз присутствовала на родах. И каждый раз с замиранием сердца следила за появлением новой жизни. Вначале крики и стоны женщины, громкие голоса врачей, потом... тишина, только несильный шум работающего электроотсоса. Сейчас врачи откачают слизь из ротика и носика ребенка, поднимут его высоко с болтающейся сиреновой не перерезанной еще пуповиной, и громкий крик возвестит – я пришел в ваш мир!!! Ради такого можно выдержать все, и нудный мучительный токсикоз, и временную потерю привлекательности, и нестерпимые боли. Все, ради одного – дать новую жизнь крохотному существу.

Радуюсь, что рожать буду сама, а не путем кесарева сечения, которое мне упорно предрекали врачи из-за моего порока сердца. Несколько раз приходилось наблюдать эту весьма неприятную операцию. Женщине делают малюсенький разрез, а потом пытаются протиснуть через него головку младенца, и при этом крутят этой головкой так, что одолевает страх за младенца. Кажется, что сейчас ребенку непременно что-нибудь сломают или оторвут. Редкие дети рожда-

ются после кесарева сечения без родовой травмы. А ещё говорят, женщина, не прошедшая все этапы естественных родов, не ощутившая боль схваток и тяжелейшего напряжения во время потуг, никогда не сможет по-настоящему полюбить своего ребенка. Наверно поэтому я и выбрала естественный процесс, и настояла на своем, как бы меня ни пытались уговорить люди в белых халатах.

Я-то знаю, у меня все будет хорошо! Главное, не бояться и слушать, что будут говорить врачи.

– Дыши, дыши! Тужься, тужься!! Дыши!!!

Слушаю, делаю, вроде, все правильно, но силы покидают меня... Неужели не выдавлю его из себя? Еще мгновение и провал... Сквозь пелену забытья слышу знакомый шум работающего отсоса и такой долгожданный громкий крик! Рядом рождает другая женщина. И я не могу понять, чей ребенок кричит.

– Четыре, сто! – гулко раздается голос акушерки.

С усилием выбираясь из сиренево-красного тумана, как мне кажется, громко и весело спрашиваю: «Это у кого такой богатырь?»

– У тебя. Богатырша. Девочка, красивенькая, губки бантиком, а на щечке родинка.

Акушерка поднимает мое чудо и показывает мне. А я ещё ничего не могу, ни понять, ни ощутить, только полное блаженство и необыкновенное счастье! Лучи солнца освещают столик, на котором лежит моя дочурка. Это солнышко вме-

сте со мной поздравляет мою малышку с рождением. С Днем рождения, доченька!

Радость

Все страхи и муки ожидания родов и самих родов уже позади. Я в послеродовой палате, палата большая, рядом ещё восемь женщин. И всех нас связывает одно – сегодня каждая из нас стала мамой. Как долго я ждала этого!

А вот и записка от мужа: «Веронька! Поздравляю! Прыгаю от счастья! Молодец! Я представляю! Родить такую дочь! «Дочка» даже язык не поворачивается. Дочь. Ты родила в 5.35. 4100! Целую тебя и Анютку! Люблю вас обеих!»

И я плачу от счастья! Мы ждали этого дня, мы так хотели нашего ребенка, мы вместе преодолевали трудности, возникшие на нашем пути, чтобы однажды понять: теперь мы не просто муж и жена. С этого дня такие простые, знакомые по первым строкам букваря любому малышу два слова «мама и папа» на долгие годы объединят нас с дочуркой в удивительно теплое и нежное слово «семья». Мы ещё сильнее будем любить и ценить друг друга.

Теперь у нас есть наша Анютка, именно это имя выбрал папа для своей дочери. Это правильно, когда имя малышу дает его отец.

Те теплые чувства, которые испытывает мама к своему ребенку ещё до его рождения, усиливаются с приходом уди-

вительного природного таинства – материнства. Любая женщина, впервые прикладывая дитя к своей груди, поймет меня – это чувство невозможно ни описать, ни сравнить с чем-либо другим. Невидимая ниточка родства становится настолько прочной, что никаким силам не разорвать её.

С папами все несколько сложнее. Первый ребенок для них – это как подарок, упавший с небес, неожиданно требующий так много внимания, ласки и заботы. Большинство пап относятся к первенцу, как к живой кукле, а чувство истинного родства наступает позже, когда на папиных глазах эта кукла постепенно превращается в полноценного человека, с которым можно общаться, играть, читать ему книжки, учить разным премудростям жизни. И когда имя ребенку дает отец, это чувство наступает существенно раньше.

У нас все так и было. Ещё до замужества мой тогда еще жених предложил имена, которыми он хотел бы назвать своих детей – Анна и Кирилл. Я с радостью согласилась. И теперь я уверена, что папа будет любить свою Аннушку ничуть не меньше меня. И потом, Анна такое замечательное имя. Так зовут мою маму, так звали прабабушку моего мужа. А сколько нежных и ласковых вариантов дарит нам это имя: Аннушка, Анечка, Анюта, Анюттик, ведь даже Анька и Анютка звучат не грубо, как у производных большинства имен, а как-то озорно и игриво. Спасибо моему любимому мужу за такое прекрасное имя для дочери!

Тревога

Так хочется побыстрее увидеть нашу Анютку! В родзале я была так сильно утомлена после родов, что толком не успела ничего разглядеть. Запомнились только пухленькие ручки, вздернутый носик и губки бантиком. С нетерпением жду, когда дочурку принесут на кормление. Так хочется прильнуть к этому теплому, пахнущему молочком и ещё чем-то очень родным комочку! Говорят, что после первого прикладывания к груди, чувство материнства усиливается в тысячи раз. А я уже сейчас всем сердцем, всей душой люблю и обожаю свою малышку!

Но время идет, а Анечку не приносят. Вдруг что-то случилось!?! От страха и тревоги сердце сжимается в булавочную головку, озноб пробегает по всему телу, кровь в висках стучит так сильно, что думать о хорошем уже не получается.

В унисон моим нерадостным мыслям, природа преподносит свой неприятный сюрприз. Ещё вчера, так ласково светившее солнце, сегодня даже не показалось из огромной серой тучи. Лишь мелкий морозящий, будто осенний, дождь монотонно стучит по подоконнику. Зябко, уныло, серо на улице и в моей душе.

Жду с нетерпением детского врача в надежде, что он прояснит ситуацию. Время тянется невыносимо долго, минута превращается в час, а час по продолжительности сравним с сутками. Наконец в палату заходит врач. По взгляду пытаюсь

понять, что за новости она нам принесла. Доктор рассказывает каждой мамочке о состоянии её ребенка. Доходит очередь до меня, и я замечаю, что от напряженного ожидания вся покрылась холодным липким потом...

Слава Богу! Все хорошо, малышка здорова. Но кормить пока нельзя из-за того, что у нас несовместимость по резус-фактору. Не будь я будущим педиатром, я, наверное, удивилась бы, разве может быть несовместимость у мамы с её родным ребенком? Но сейчас мне известно, что даже такое может случиться. Просто, у меня в крови резус-фактора нет вообще, а Анечке он передался от папы. И если в моем молоке есть антитела к резус-фактору, накопившиеся за время беременности, то они, попав в крошечный организм, могут разрушить эритроциты в крови малышки. Возникнет так называемая гемолитическая болезнь новорожденного, когда кровь, несущая жизнь к крошечным органам, превращается в яд. Догадайтесь, какие могут быть последствия!

Надо дождаться результата анализа молока, а это не раньше, чем через три дня. Ещё три дня не увижу своего Анютика! Но ради её здоровья, я готова пережить все, в том числе и эту затянувшуюся разлуку. С завистью смотрю, как остальным мамочкам, лежащим в палате, каждые три часа приносят их чудо-чад, и мамы часами разглядывают своих малюток, разговаривают с ними.

Решаюсь на отчаянный шаг. Поднимаюсь с постели и, преодолевая боль, слабость и головокружение, иду в детское от-

деление, ну очень хочется хоть одним глазком взглянуть на доченьку! Грозная цепная медсестра, увидев меня, бросается к двери, словно на амбразуру вражеского дзота, и своим грузным телом загораживает мне дорогу:

– Не положено!

– Как не положено? Кем? Я ведь только посмотреть!

– Кормить принесут, посмотришь!

Все мои невразумительные попытки объяснить, что я студентка, будущий медик, почти коллега, безуспешны. Со слезами на глазах возвращаюсь в свою палату, женщины успокаивают, а я думаю: кто же придумал такую неправильную систему, когда после рождения ребенка, его немедленно уносят от мамы, будто мы в чем-то провинились и нас пытаются немедленно отгородить от наших, рожденных нами же в муках малюток? В каждом учебнике написано, что после рождения ребенок непременно должен оставаться рядом с мамой. Долгих девять месяцев мы были одним целым, связанные невидимой нитью, а здесь эту ниточку безжалостно рвут! Слезы накатываются на глаза, но помочь ни я, никто другой мне сейчас, увы, не может. И только теплые, нежные, добрые письма моего мужа, помогают мне справиться с неожиданными проблемами, навалившимися на меня за последние три дня. Ничего! Мы будем сильными! Вместе мы переживем все невзгоды. Я надеюсь, я верю, что скоро увижу нашу Аннушку!

Первое кормление

Ура!!! Чудо произошло! Анализы оказались хорошими и дочурку принесли на кормление даже раньше, чем я ожидала.

И опять все произошло на удивление буднично и просто. В своих мечтах я рисовала иные, более радужные картины. Первое кормление – это праздник души и сердца. Значит, все должно быть по-праздничному. Я представляла, как мою малышку приносят мне в красивом кружевном конверте, вручают бережно, как самый драгоценный подарок, говорят напутственные слова, поздравления, а потом мы остаемся с малышкой вдвоем и начинается наше общение, и уже только сердце и материнский инстинкт должны подсказать мне, что и как надо делать. Но это были лишь мои розовые мечты, а на самом деле, я знала, что обычные женщины позволить себе такую радость не могли.

Медсестра привезла каталку, на которой лежали стройными рядами малыши и малышки. Все младенцы были завернуты с головы до пят в одинаковые грязно-серые тысячу раз продезинфицированные пеленки. У каждого на груди болталась синяя клеенчатая бирка-медальон. Личики у всех детишек были обильно смазаны растительным маслом, отчего большинство из них напоминали фарфоровых кукол. И лишь самые голодные, отчаянно кричавшие и требовавшие законные граммы маминого молока, напоминали всем: «Лю-

ди, мы живые!»

На бирке-медальоне написаны фамилия, имя мамы, число и час рождения ребенка, его рост и вес. Такие же бирки прикреплены к спинке кровати каждой мамочки. Медсестра берет очередного малыша, сверяет надпись на ребенке с надписью на прикроватном медальоне и передает ребенка в нетерпеливые руки мамы. Многие мамочки уже и без бирок прекрасно знают своих детишек в лицо, а некоторые узнают даже по крику. А я видела доченьку всего один раз, волнуясь, смогу ли узнать её, а главное, вспомнит ли она меня? Узнает ли мой голос, который слышала, находясь еще в утробе?

Пока медсестра раздает детишек, пытаюсь разглядеть тех, что ещё ждут своей очереди. В глаза бросается пухленький, мирно посапывающий сверток, при виде которого, сердце почему-то усиленно заколотилось, а по всему телу прошла приятная истома. Это мой ребенок, только мой, я почувствовала это своим материнским сердцем! Только бы не ошибиться! Медсестра берет завернутое в пеленку чудо, сравнивает надписи на бирках и передает его мне. Я не ошиблась, сердце не обмануло меня, это моя Анечка!

Вот он долгожданный момент! Впервые я смогла так близко увидеть мою дочку, обнять её и даже чмокнуть в щечку. Пусть все народные приметы говорят, что нельзя целовать новорожденного ребенка, разве можно удержаться от этого соблазна, держа в руках частичку себя? Внимательно смот-

рю на доченьку, пытаюсь запомнить каждую черточку её лица. Пока вижу вздернутый носик, алые губки, и родинку на правой щеке. Родинка большая, темно-коричневая. Говорят, Господь, помечает избранных такими родинками, чтобы не забывать защищать их от всего дурного. Теперь и моя Аннушка будет всегда находиться под защитой Господа. Приподнимаю пеленку, которой закутана головка, пытаюсь разглядеть волосики. Волосики светлые и их очень мало, зато сама голова показалась мне большой. Умная будешь, Анька! Тебе есть в кого быть умненькой, гены у нас с папой сильные.

Очень хочется увидеть глазки. Знаю, что они будут голубого цвета, такого же, как у нас с мужем. Для этого надо, чтобы дочка проснулась. Но Анютка продолжает мирно спать, словно не торопится узнать и увидеть меня. Пытаюсь разбудить её, вода соском по губкам, начинаю волноваться, что время, отведенное для кормления, быстро закончится, и Анечку унесут от меня голодной. Смотрю на других женщин, все малыши притихли, прильнули к маминым грудям и, смешно причмокивая, пытаются съесть всю положенную им норму, словно понимая, что в следующий раз они смогут повторить это не раньше, чем часа через три. А Анька все спит. И снова беспокойство охватывает меня: а вдруг за эти четыре дня она настолько привыкла к кормлению из соски, что теперь никогда не возьмет мою грудь? Такие случаи бывали и не раз.

– Анютка, ну проснись, покушай! – почти со слезами на

глазах умоляю дочурку. И вдруг... Анька приоткрыла один глаз и очень строго, и, как мне показалось, довольно осмысленно, посмотрела на меня. Что она испытывала в тот момент, я не узнаю никогда, но моей радости не было предела, слезы беспокойства сменились слезами великого счастья, они капали на Анюткино личико, превращаясь в тоненькие струйки, стекающие по её пухленьким щечкам. Словно пожалев меня, Аня проснулась окончательно. Открыла глазки, и я увидела два огромных темно-синих озера. А взгляд-то у дочери какой умный и пронизательный! Ты будешь умницей, моя Аннушка!

Нас всегда удивляет, почему у всех детей глаза кажутся огромными, а с возрастом, будто уменьшаются в размере. На самом деле, глаз – единственный орган в нашем организме, который при рождении имеет размер, не меняющийся больше в течение жизни. Потому то на фоне маленького личика, глаза у детей и кажутся такими большими. С возрастом лицо становится больше, и глаза уже не выглядят такими огромными.

Пока не могу понять, на кого больше похожа наша дочурка: на меня или на своего папу. Мы с мужем не очень сильно отличаемся друг от друга внешне, многие мои знакомые ещё во время наших свиданий с ним, отмечали, что мы очень похожи друг на друга. И все же мне больше хочется, чтобы Аня была похожей на своего папу. Да и в народе говорят, если дочь похожа на отца – будет счастливой! А какая же мама не

пожелает счастья своей дочери! С моей точки зрения, судьба и счастье детей целиком зависят от родителей. Только родители могут сделать своих детей счастливыми, но они же могут стать и источником несчастий и бед для своих чад. Уверена, что наша дочь будет самой счастливой, мы для этого сделаем все возможное!

А пока я пытаюсь первый раз приложить к груди своего ребенка. Анютка, очевидно, сыта, и взять сосок в ротик не торопится. Выдавливаю несколько капель молока ей прямо на губки, пусть попробует, как вкусно! Срабатывает, молоко действительно оказалось вкусным, Анютка хватает сосок и начинает сосать. Я чувствую, как молочко капля за каплей попадает в ротик моей доченьки, и испытываю огромное материнское счастье! Так не хочется расставаться с дочуркой! Но теперь я знаю: через три часа я снова увижу тебя, моя Анюточка, и ещё раз испытаю мое счастье!

Обида

Время идет гораздо быстрее, когда тебе каждые три часа приносят ребеночка. До кормления надо успеть выполнить кучу формальностей. Вымыть с мылом руки и грудь, надеть косынку и маску, а потом приходит медсестра и каждой женщине обрабатывает соски фурациллином. Я, хоть и будущий медик, но смысла во всех этих мероприятиях не вижу никакого. Кругом и так все стерильно, каждое утро палату, а

вместе с ней и всех находящихся там женщин, кварцуют специальной лампой. В воздухе не остается ни одного микроба. А как ребенку вырабатывать иммунитет в условиях абсолютной стерильности? Не потому ли нынешние дети выглядят ослабленными и больными по сравнению с прошлыми поколениями? Тогда, женщина, родив в поле ребенка, перерезав ему пуповину обыкновенным ножом, заворачивала новорожденного в передник, укладывала где-нибудь под кустиком, а сама продолжала выполнять работу дальше.

Но с нынешней медициной спорить бесполезно. Правила придуманы не мной, и мне остается лишь тщательно соблюдать их, чтобы не оказаться обруганной какой-нибудь медсестрой или санитаркой. Уж лучше бы учили женщин, как правильно надо сцеживать молоко, что предпринять, когда его мало. Об этом в роддоме никто никому не сказал ни слова. Считается, очевидно, что все это женщина должна знать самостоятельно и буквально с пеленок. Я знала, что гипогалактия – состояние, когда у кормящей женщины мало молока, встречается довольно часто. Но не предполагала, что это может случиться со мной.

Когда Анютку в очередной раз принесли на кормление, она уже не стала особенно церемониться со мной, внимательно изучать и разглядывать меня. Раз принесли кормить – корми! С первой секунды, жадно схватив сосок, Аня с трудом начала высасывать из него содержимое моей груди. Через минуту раздался громкий крик недовольства – поче-

му так мало! Дала другую грудь. Хватило ещё на пару минут. И все! Запасы драгоценного молока исчезли, и как я ни пыталась выжать из обеих грудей столь нужные сейчас капельки лакомства, ничего не получилось. Тут я впервые смогла увидеть и осознать, что значит голодный ребенок. Анютка сначала тихонько всхлипывала, в надежде, что сейчас все наладится и столь нужное молочко ручейком польется прямо в ротик. Когда надежды иссякли, всхлипывание перешло в громкий крик. Веселенькая картина! Мама усиленно обеими руками сдавливает свою грудь, пытаясь выцедить ну хоть капельку, а рядом лежит ребенок, пунцовый от крика, жаждущий немедленно получить свою порцию. Ни той, ни другой достичь желаемого не удается.

Обессиленная, падаю на кровать рядом с Анютой и тоже начинаю рыдать. И тут замечаю, что Аня смотрит на меня сердито и недовольно, а в уголках её глаз – крупные капельки слез. Но ведь это противоречит природе! В этом возрасте у ребенка ещё не должно быть слез! Видно, такая сильная была у Анютки обида на свою маму, что вопреки всему, из её глаз текли настоящие слезы. Так и унесли в тот раз от рыдающей мамы плачущего голодного ребенка.

Лётчица

Сегодня я еду с папой в аэропорт. Мы полетим в Шахрисабз – маленький городок на юге Узбекистана. Это так здо-

рово! Я и раньше летала на самолете, но тогда мне было всего два года и поэтому я ничего не помню. А сейчас я чувствую себя совсем большой, мне уже пять лет. Папа у меня летчик. Он будет управлять самолетом. А еще папа пообещал взять меня в кабину самолета и дать мне порулить. Интересно как это – рулить самолетом?

Когда мы проходим через проходную, папа говорит, что ребенка, то есть меня, не с кем оставить дома. Я старательно киваю головой.

Мы с папой выходим на летное поле. Вон он! Наш самолет! Стоит такой большой и красивый. Он похож на огромную птицу, которая опустилась на землю только для того, чтобы отдохнуть и скоро полетит. А иллюминаторы на самолете кажутся такими маленькими. Как люди в них еще что-то видят?

Мы поднимаемся по трапу и заходим в самолет. Я иду по салону. Иллюминаторы оказываются не такими маленькими, какими кажутся с земли.

Когда мы заходим в кабину, папа садится в кресло, а я – к нему на коленки. Как здесь много приборов! Кабина на самом деле – самое интересное в самолете! Папа объясняет мне, что маленький зелененький самолетик на экране показывает, куда наклоняется наш самолет. Другой прибор с цифрами показывает скорость, с которой мы летим. Посмотрев на третий, можно узнать высоту, на которой мы находимся, сейчас это ноль. Пока папа объясняет мне значения всех

приборов, приходит другой дяденька. Он садится в свободное кресло и, поздоровавшись с папой и со мной, запускает двигатель самолета.

Мы поехали. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. «Неужели мы никуда не полетим, а так и будем ехать?» – думаю я и выглядываю из окошка. Но только я начинаю беспокоиться, как самолет отрывается от земли. Ура, мы взлетели!

Я прижимаюсь носом к окну. Под нами Ташкент. Маленькие разноцветные машинки едут по дорогам. Они кажутся мне игрушечными, как те, которые коллекционирует мой папа. Люди бегают как черные точки. Вот оказывается, какими нас видят птицы! Девятиэтажные дома кажутся не больше спичечных коробков. Вот это вид!

По мере того, как мы поднимаемся выше, машины, люди, дома – исчезают. Теперь видны только синие нити – реки, да снег на горных вершинах. Насмотревшись на реки и горы, я снова обращаю свое внимание на приборы. Зеленый самолетик теперь не стоит на месте, а постоянно наклоняется то в одну, то в другую сторону. Тут я замечаю, что число, показывающее высоту полета, начинает уменьшаться – мы снижаемся.

– Пап, дай порулить... – прошу я.

Папа отдает мне штурвал, и я начинаю крутить его как хочу. Самолет меня не очень слушается. Это, наверное, потому, что другой дядя тоже крутит штурвал. Я смотрю на пи-

лота и начинаю крутить штурвал так же, как он. Пусть ему будет полегче! Мы все снижаемся и снижаемся. Вот уже снова появились дома, потом машины и люди. Внизу аэропорт города Шахрисабза. Уже видна взлетная полоса, и мы с пилотом начинаем выравнивать самолет, чтобы он сел ровно на полосу. И тут я чувствую толчок. Самолет коснулся земли. Мы едем по полосе, потом съезжаем с нее и останавливаемся.

Я посадила самолет! Сама! Ну и пилот помогал немножко...

Школа и улица

Сентябрь в Ташкенте – для детей еще не осень. И это даже не последнее дыхание лета. Лето еще в полном разгаре. Стоит жара под тридцать градусов, и ребятня с утра до ночи играет во дворах. Но для меня этот сентябрь – будет уже другой, не летний, а именно осенний. Я пойду в первый класс. Мне очень нравится мой портфель и новая школьная форма. У меня большой красно-синий ранец, который мне подарил папа, когда мне было пять лет. В ранце лежат пенал, дневник и целая куча тетрадок и ручек. А форма в нашей школе необычная – это не только юбка и жилетка, а еще и большой белый воротник с красным бантиком. Очень красивая форма! Но, несмотря на все это, мне немного грустно. Мама говорила мне, чтобы я больше гуляла летом, потому

что, когда начнется учеба, времени на прогулки оставаться не будет. Учеба началась, а я так и не нагулялась!

Но прошла неделя, а мне кажется, что все пока идет по-старому. Разница только в том, что в школе не заставляют спать днем, как в детском саду, но это мне даже нравится. А домашние задания – неужели они думают, что так сложно сосчитать, сколько будет $2+1$?

Сегодня я уже решила все примеры, написала все крючочки и сижу с Илюшей на козырьке нашего подъезда. Козырек увит виноградной лозой, увешанной гроздьями винограда, который так и просится в рот. Я беру ягодку, с наслаждением жую ее и думаю про себя: «Почему мама говорила, что не будет времени гулять? Гуляю же!».

Провожатые

Я иду домой со школы. На нашем квартале из моего класса кроме меня живет только Аревик, но её дом гораздо ближе к школе, чем мой, поэтому около двух остановок идти мне приходится одной. Это конечно скучно, но что поделаешь! Я могла бы поехать на автобусе, но его очень долго ждать и поэтому неохота. В принципе, сегодня я как раз не прочь прогуляться. Погода просто замечательная! Кажется, весна уже полностью вступила в свои права. А ведь еще только начало марта! Деревья цветут, на земле тоже появились маленькие беленькие цветочки. Мы называем их подснежниками, хотя

подснежники на самом деле совсем другие.

От легкого ветерка листочки на деревьях слегка подрагивают, а под ногами трава кажется мягким зеленым ковром. Надо успеть насладиться всей этой красотой сейчас. Ведь скоро засушливое лето, которое вынуждает все зеленое отступать все дальше и дальше в горы. Трава высохнет и пожелтеет, листья покроются пылью, легкий ветерок исчезнет, и на смену ему придут полный штиль, когда кажется, что воздух раскален до предела, или пыльные бури, которые поднимают столбы пыли и залепляют ею глаза тому, кто осмелится повернуться к ним лицом. Но сейчас мне не до этого, я наслаждаюсь весной.

Неожиданно за спиной раздаются знакомые голоса. Я оборачиваюсь и вижу двух моих одноклассников: Ваню и Колю. Они дружат давно, я вообще редко вижу их порознь. Но что им нужно на моем квартале?

– Привет! – говорю я им, – Что это вы тут гуляете?

Ваня подталкивает Колю ко мне, и он немного застенчиво говорит:

– Ань... Ты не против, если мы тебя проводим?

– Проводите? С какой это стати? Вот еще! Нет, я сама дойду, – сама форма Колиного предложения мне не понравилась. Предложи он мне прогуляться со мной до дома, я бы согласилась. А провожать? Что я им, маленькая что ли? Или бабушка столетняя чтобы меня провожать?

Коля продолжает:

– Ну, мы тебе портфель поможем донести...

Ах, им еще и портфель! Ну, точно думают, что я сама ничего не могу и не умею. И еще больше рассердившись, я говорю:

– Не надо мне ничего носить. Сама справлюсь. Отстаньте.

Но отделаться от мальчишек оказалось не так то просто. Я долго спорю с ними, а потом решаю применить наиболее весомый аргумент – тот самый портфель, который мне хотели донести. Первой под него попадается голова Вани.

Аргумент подействовал, но, правда, только на один день.

Назавтра история повторилась. Через три дня мне все это надоело, и я решила пожаловаться маме на мальчиков, которые ко мне лезут и пытаются проводить. И, вопреки всем моим ожиданиям, мама говорит: «Ну и скажи им, пусть проводят, если хотят. Тебе же лучше. Тяжелый портфель самой таскать не придется».

Послушав маму, назавтра я так и сделала, и почти на год избавилась от тяжелого портфеля, получив взамен довольно приятный эскорт.

Дерево

С торца моего дома растет дерево. Растет оно под наклоном около сорока пяти градусов к земле. Может быть, когда-то это кривобокое дерево и было прямым, но этого уже никто не помнит.

С утра у дерева очередь. Каждый хочет почувствовать себя Маугли. Для этого нужно залезть на дерево на высоту около трёх метров, потом пройти по одной толстой ветке, ухватиться руками за другую ветку, и, раскачавшись как можно сильнее спрыгнуть вниз. Первый раз всегда страшно. Но после одного падения понимаешь, что земля мягкая и коленки не расшибешь. Потом, спрыгнув раз десять, наловчишься и научишься прыгать не на коленки, а на ноги. После двадцати прыжков становится скучно, и ты начинаешь пытаться сделать весь процесс прыжка немного страшнее и веселее. Сначала учишься забираться на дерево без помощи рук, потом бегом, потом... Потом больше ничего не придумывается, и прыжки с дерева тебе надоедают.

У нас с Катькой именно такая ситуация. И теперь мы, забравшись почти на самую вершину дерева, наблюдаем, как прыгают остальные. Скучно. Тут я вижу около себя длинную ветку, по которой можно было бы соскользнуть почти до земли.

– Кать, как ты думаешь, по этой ветке получится съехать вниз? – я уже все решила, и интересуюсь Катькиным мнением из вежливости.

– Не знаю. Наверное, да. Хотя..., – но я уже не слушаю. Я уцепилась руками за ветку, убираю ноги со ствола дерева, и... поехали!

Спрыгнув на землю. Я смотрю на свои руки. Они все исцарапаны и кое-где идет кровь. Я явно не учла одно обстоя-

ательство: та ветка, с которой мы прыгали раньше, была хорошо отполирована предыдущими поколениями прыгунов, а эта вся покрыта мелкими царапучими сучками.

Промыв руки, чтобы в ранки не попала инфекция, я снова залезаю на дерево, но свой «подвиг» повторить не решаюсь.

Робот Олег 2000

Мы купили микроволновку. Привезли ее домой, распаковали, установили, нагрели в ней первый стакан воды, чтобы проверить, как она работает. Здорово! Вода нагревается всего за полминуты! Потом мы с Олежкой сделали себе в микроволновке бутерброды с расплавленным сыром и на время потеряли к ней интерес.

Микроволновку привезли в большой коробке, в которой так весело играть. Олежка забрался в коробку и сообщил всем, что он в домике. Мы отчаянно пытались запихнуть в «домик» собаку, но она так же отчаянно сопротивлялась. В итоге там удалось посадить Майку в коробку и накрыть крышкой. Помучив таким образом бедное животное, мы выпустили его. Собака убежала и спряталась.

Что бы еще придумать?

Идея появляется у папы. Он предлагает нам сделать робота.

Папа проделывает в коробке дырки для рук, ног и головы и мы надеваем коробку на Олежку.

– Пап, нарисуй что-нибудь, чтоб сильнее было похоже, – прошу я

Папа пишет «Уникальный робот Олег-2000», рисует кое-какие механизмы. Пишет на коробке краткое «Руководство по использованию робота». Олежка все сильнее становится похожим на робота.

Тут мы вспоминаем, что на антресолях у нас валяются еще коробки. Я залезаю на стул и скидываю коробки вниз, попутно объявляя:

– Коробки из-под настольной лампы, две штуки! Коробка из-под динамиков, одна штука!

Олежка, с трудом перемещаясь в своем костюме робота, радостно собирает коробки. Из них мы делаем две ноги и голову робота.

Все! Робот готов! Теперь необходимо его испытать.

Недолго думая, мы с Олежкой собираемся и идем на базар, благо уже вечер и народу не очень много. Я с собакой иду чуть поодаль, а Олежка гордо вышагивает впереди. Апайки (так мы называли в Ташкенте базарных торговков), завидев его, начинают шушукаться и обсуждать «чудо техники». Редкие встречные прохожие отходят подальше. Мало ли что. Погуляв по базару и купив семечек, мы с чувством выполненного долга идем домой. Робот Олег-2000 испытания выдержал.

Лифтики

Я живу на третьем этаже, а Илюша на четвертом. Его окно находится прямо над нашим, и мы с ним придумали новую игру. Мы играем в «лифтики». Илюша раздобыл где-то прочную веревку и привязал к ней коробочку. В эту коробку он кладёт записку и спускает ее ко мне. Я пишу ответ, вкладываю его обратно и пару раз дергаю за веревку – это условный сигнал. «Лифтик» ползет вверх. Иногда таким образом мы даже обмениваемся маленькими сувенирчиками.

Однажды ко мне в гости приходит Костик, и я рассказываю ему про нашу игру. Костик тоже не прочь поиграть с нами. Я звоню Илюше и предлагаю ему спустить нам «лифтик». Через пару минут у моего окна болтается маленький черный чемоданчик – Илюша модернизировал коробку. В чемоданчике по обыкновению лежит записка, мы отвечаем на нее, а потом еще несколько раз обмениваемся «лифтиками». Вскоре, Костику это надоедает, и он говорит:

– Ань, у вас дома нет какой-нибудь старой тряпки?

– А зачем тебе? – интересуюсь я.

– Увидишь.

Я беру ножницы, отрезаю кусок от половой тряпки и, безглаголиво держа его кончиками пальцев, отдаю Костику.

– То, что нужно, – радостно говорит он.

Тут Илюша спускает очередной «лифтик». Костик пишет на листке бумаги «Приятного аппетита!» и вместе с тряпкой вкладывает его в чемоданчик. Следующий «лифтик» прихо-

дит с запиской весьма недвусмысленного содержания: «Козлы!»

Примерная ученица

В шестом «В» классе идет урок русского языка. Галина Павловна, или как мы ее называем Гэпэшка, задала нам делать упражнение. В кабинете тихо: все в классе боятся Гэпэшку – орет она так, что слышно во всей школе – поэтому никто не разговаривает. Только тихое поскрипывание ручек и шелест переворачиваемых страниц нарушает тишину. Я – отличница, поэтому пишу особо старательно. Несмотря на это, мне удастся закончить упражнение раньше моего соседа по парте Канатова Кости. Некоторое время я сижу тихо, сложив руки на парте и пытаясь всем своим видом показать Гэпэшке, какая я умница. К сожалению, она этого не замечает, и мне надоедает сидеть, ничего не делая. Разговаривать нельзя, и я начинаю наблюдать за одноклассниками. Ира, как и я, уже все написала и теперь читает что-то в учебнике. Камилла и Ася обмениваются записками – вслух не поговоришь, а столько всего надо друг-другу рассказать! Лена только дописывает упражнение – у нее очень красивый почерк, поэтому пишет она медленнее меня.

Вскоре наблюдать за ребятами становится скучно, и чтобы хоть как-то развлечься, я тихонечко пинаю Костика под партой. Костя смотрит на меня исподлобья и продолжает писать

упражнение. Такой результат меня не удовлетворяет, поэтому я пинаю его еще раз. Он пытается меня игнорировать, но мне-то что? В итоге Костик не выдерживает и начинает громко возмущаться. Гэпэшка мгновенно реагирует и ее голос гремит: «Костылев!!!»... «Косточкин!!!»: Гэпэшка уже второй год не может запомнить простую фамилию Костика. Наконец, подумав, она произносит «Канатов, встань!»

Костик встает и даже не пытается обвинять меня. Он знает, что Гэпэшка ему все равно не поверит, ведь я отличница и примерная ученица. Хм... Ну еще и сволочь порядочная...

Инопланетянин

По вечерам мы очень любим разжигать костры и печь картошку. Но, к сожалению, люди почему-то не любят, когда мы разжигаем костры у них в огородах. Поэтому нам пришлось найти свой собственный огород.

– Ребят, идите сюда! Здесь в заборе дырка! Пролезть можно! – зовет Надя и протискивается в зазор между прутьями забора. Все мы по очереди лезем за ней. Вот мы и в огороде. Уже не помню, в каком по счету. До этого из всех огородов, которые мы пытались присвоить, нас выгоняли. Я осматриваюсь. Да... несмотря на то, что он находится сзади дома, это точно ничейный огород. Он зарос травой практически полностью, мусора навалено – целая куча. Здесь все, что только могут люди выбросить из окон: обертки от жвачек, конфет,

разбитые кружки, пустые бутылочки из-под духов, не пишущие ручки, школьные тетрадки и фу... памперсы.

Мы переглядываемся. В конце концов, если взять веник и грабли, то этот огород можно будет привести в порядок. А так здесь неплохо. Вход сюда только один – через дырку в заборе, значит посторонние не залезут. Со всех сторон огород окружает живая изгородь, закрывающая его от глаз пресловутых посторонних. Кроме того, здесь растет абрикос, яблоня, вишня. Тут я смотрю под ноги...

– Ой, что это? – около меня лежит что-то маленькое, размером с ладошку, и розовое. Оно абсолютно лысое и у него есть голова, ручки и ножки. Все собираются вокруг существа, и кто-то слегка тыкает его прутиком. Но и так понятно, что оно мертво, хотя и не начало разлагаться. Мы наклоняемся над существом, пытаюсь разглядеть у него черты лица. Но ни рта, ни носа у него, по-видимому, нет. Все что есть – это два темных пятна, которые очевидно представляют собой подобие глаз. Все это кажется странным...

Всем очень интересно, что же это за таинственное существо.

– Может быть это инопланетянин? – предполагает Илья.

– Или выкидыш у кого-то случился...

– Ага, выкидыш! Из окошка что ли выкидыш?

Я предлагаю пойти и осмотреть огород.

Итак. Вот следы недавнего костра. А это валяются какие-то кости. Вывод: здесь кого-то пожарили и съели. Кости

мелкие. Уф, по крайней мере, здесь ужинали не каннибалы. Постепенно из всех деталей складывается довольно четкая картина. Скорее всего, бомжи съели собаку. А таинственное существо – ее не родившийся щенок.

Я, довольная собственной догадливостью, делюсь своей версией с друзьями. Но, к сожалению, в ней тут же находится слабое место. Собака обычно рождает нескольких щенков, а не одного.

– Ну, тогда значит надо искать. Ещё найдем таких же, – говорю я, и все с новыми силами начинают бегать по огороду в поисках остальных существ.

Несмотря на весь энтузиазм, ничего больше найти не удастся. И моя версия терпит окончательный крах.

Так как других версий нет, мы сгребаем существо на картонку и несем его домой, показать родителям. Может, они скажут нам, что это такое.

Все долго рассматривают существо, и, не сумев объяснить нам природу его происхождения, советуют выбросить.

В итоге мы соглашаемся. Нам тоже порядком надоело таскаться с картонкой. Маленькое розовое существо отправляется в мусоропровод. Его нет. А вопрос остался. Кто, или что это было?

Обустройство

С утра, проснувшись, мы все бежим на огород наводить

порядок. Порядок мы наводим уже несколько дней. Мусора почти не осталось. Теперь мы пытаемся сделать наш огород пригодным для «проживания». Это самое интересное.

Что нам необходимо, прежде всего? Конечно, стол и стулья. Мы находим доски, Олежка выносит молоток, гвозди, и они вместе с Ильей сооружают стол. Сначала они пытаются сделать его одноногим. Но стол упорно отказывается стоять на одной ножке и постоянно падает на бок. Приходится переделывать. Наконец после долгих мучений у стола есть положенные ему четыре ножки. Теперь ребята принимаются за стулья. Одну скамейку кое-как сколачивают из оставшихся деревяшек. Роль другой будет выполнять принесенное откуда-то колесо от машины.

Тут приходит Мансур. Он старше и толще всех нас и поэтому с трудом протискивается между прутьев.

– Я вам камин нашел. Кто-нибудь со мной сходите, принесем.

Через пару минут ребята приносят «камин». Им оказалась древняя металлическая раковина. Но даже такой «камин» встречают бурным восторгом. Теперь дым от костра будет идти по цивилизованному, в трубу, да и ветром костер не затушит.

Когда камин установлен, я решаю пойти посмотреть дальнюю часть огорода. Там пока еще не убрано. Пробравшись через заросли травы и кустарника, я натываюсь на колодец. Точнее это просто глубокая яма, на дне которой течет вода.

– Люди! Здесь колодец! – зову я.

Собравшись вокруг колодца, все решают, что нам необходимо доставать оттуда воду. Пить ее, конечно, не будешь, а для того, чтобы костер затушить такая вода вполне сгодится. У кого-то дома тут же находится старое ненужное ведро, кто-то выносит веревку и вот приспособление готово. Длины веревки как раз достаточно чтобы достать воду.

Пройдя еще дальше в огород, мы натываемся на лестницу. Она как будто специально лежала там для нас. Мы приставляем ее к дереву. Теперь не придется обдирать руки, пытаюсь залезть наверх.

Вечером мы с удовольствием осматриваем плоды наших трудов. Огород перестал быть похожим на помойку. Мы зажигаем костер в камине НАШЕГО огорода. Сегодня нас никто не пытается прогнать, поэтому мы спокойно печем картошку, и, рассевшись кто на скамейке, кто на дереве, с удовольствием съедаем ее. Красота!

Могила

Денек сегодня замечательный! В нем как будто слились весенняя красота и летнее тепло. Долго спать не получится, даже если очень захочешь. А я и не хочу. Я просыпаюсь, бужу Олежку, и мы идем на огород. Там наверняка уже кто-то есть.

Я не ошиблась. Около огорода уже собралось несколько ребят. Они стоят и что-то шепотом обсуждают.

– Привет! Что стоите? Идемте вовнутрь! – говорю я,

– Не... мы видели, как туда несколько минут назад двое мужиков зашли. А еще у них что-то большое завернутое в белую простыню с собой было... Подождем пока выйдут.

– ОК, – соглашаюсь я. Действительно, мало ли что у мужиков в белой простыне.

Вскоре мужики выходят. Белой простыни у них с собой нет. Мы ждем, пока они скроются из вида, а потом идем в огород.

Так. Из наших вещей мужики ничего не тронули. Но где же белая простыня? Она исчезла. Мы облазили весь огород, но ее нигде нет.

– Как сквозь землю провалилась – говорит Юлька,

– Сквозь землю... Да они ее закопали! – уже не только я это поняла.

Мы начинаем искать место захоронения белой простыни и того, что в нее завернуто. Ага! Нашли! Мужики хорошо замаскировали это место травой, но мы оказались хитрее.

– Ну... будем копать? – предлагает Илья,

– Давай, надо же узнать, что там, – мне немного страшно, но любопытство пока пересиливает.

Все берутся за дело, подбадривая друг друга тем, что не будут же мужики закапывать труп или что-нибудь подобное прямо возле Госбанка, где полным-полно ментов.

Но все равно страшно. Несколько человек отказываются копать и отходят подальше. Я долго строю из себя сме-

люю пофигистку, но когда показывается белая простыня, мои нервы не выдерживают, и я говорю:

– Вы как хотите, а мне неохота дальше копать. Мало ли что... – и удаляюсь на безопасное расстояние от места раскопок. За мной следуют почти все, кроме Юльки. Она самая младшая из нас и, по-моему, не боится ничего.

Теперь мы стоим около забора, а Юлька копает одна. Время от времени она обзывает нас всех трусами и говорит, что мы испугались белой простыни. Мы стараемся не обращаем внимания на оскорбления и интересуемся у Юльки, что ей удалось раскопать.

– Пока ничего, только простыня...

– А, ну как узнаешь, что под ней – сообщишь.

Вдруг Юлька замирает. Потом вскрикивает и бежит к нам. Она вся бледная.

– Т-т-ам собачий хвост... Собака мертвая...

Это известие меня не сильно пугает. По крайней мере, там не труп, точнее не человеческий труп. Мужики просто похоронили в укромном месте свою умершую собаку. А мы вот так взяли и раскопали. Как-то нехорошо вышло. Всем становится немного стыдно за свое любопытство.

Мы закапываем могилу. Вокруг холмика раскладываем мелкие камушки, и кто-то приносит букетик цветов.

Котенок

Стоит прекрасный летний день. Не очень жарко, а в тени вообще хорошо. Мы сидим в огороде под большим абрикосовым деревом и играем в карты. Тут снаружи раздаются шаги, а затем слышится Сонькин голос:

– Можно мне к вам в огород? А?

Я Соньку не очень люблю. Она вечно жалуется и всегда чем-то недовольна. Приблизительно так же к ней относятся и остальные, поэтому, переглянувшись, все вразнобой кричат:

– Нет! Мы заняты!

Сонька продолжает настаивать:

– Ну, пожалуйста! У меня котенок есть, мне его деть некуда...

Против котенка возражать сложно: животных у нас любят все, поэтому мы разрешаем Соньке зайти.

Сонька заходит. В руках она несет коробку из-под обуви с дыркой для воздуха. В коробке лежит котенок – худое, полудохлое создание. Всем становится жаль котенка, и мы бежим домой, чтобы принести ему чего-нибудь поесть.

Котенок с жадностью набрасывается на молоко, потом также быстро съедает колбасу и неожиданно падает на бок. Его трясет и изо рта идет пена. Все испуганно смотрят на котенка. Через пару минут все проходит. Котенок успокаивается, мы кладем его в коробку, и он засыпает.

– Сонька, что это с ним? – спрашиваю я,

– Это у него часто бывает. Он э-пи-леп-тик, – со знанием дела говорит Сонька,

– Кто это тебе сказал?

– Бабушка. Она говорит, что у людей такие припадки бывают, значит и у котов тоже могут быть.

Все подходят поближе к коробке, чтоб посмотреть на котенка-эпилептика, который свернулся клубочком в уголке.

– Так, значит, ты хочешь котенка здесь оставить? – спрашивает Катька,

– Ага, меня бабушка с ним домой не пускает, а в другом месте его узбеки найдут...

Так эпилептик поселился у нас в огороде. Соньку пришлось тоже взять в нашу компанию, чтоб она продолжала ухаживать за котенком.

Прошло несколько недель. Котенок исправно ест, но не растет, не поправляется. Он никогда не играет, и время от времени с ним случаются припадки.

Однажды придя в огород, мы за замечаем, что котенок весь мокрый. Когда приходит Сонька, мы набрасываемся на нее:

– Ты, что с котенком сделала?

– Ну... я его купала... Я подумала, может у него блохи, поэтому он такой слабенький...

Когда мы пришли в следующий раз, котенок был мертв. Скорее всего, его и без того слабый организм просто не выдержал купания в холодной воде.

Мы все почему-то побоялись подойти к коробке с котенком и поэтому его так и не похоронили.

В огород мы с тех пор ходить перестали.

Развлечения

Летом мы с друзьями целыми днями на улице. Домой заходим только в самую жару, да и то ненадолго. С утра и до ночи мы бегаем, играем в «казаки-разбойники», в «12 палочек», в прятки, но постепенно все это надоедает. Хочется чего-то нового.

Первая идея, которая приходит кому-то в голову – сбрасывать пакеты с водой на прохожих. Идея кажется нам просто замечательной – и зрелище должно получится великолепное, и прохожие сильно ругаться не будут – жарко ведь. Кто-то выносит из дома целлофановый пакет, мы наполняем его водой из школьного фонтана и всей толпой бежим на крышу нашего девятиэтажного дома. Первый раз решили кидать не в кого-то, а просто так, посмотреть траекторию полета. Раз... Два... Три!!! Как гигантская капля дождя пакет несется к земле, все затаили дыхание, и... ПЛЮХ! От удара целлофан рвется и разлетается искрящимися в лучах солнца водяными брызгами.

– Здорово... – говорит Илюша,

– Ага... вот народ шугаться будет... – соглашаюсь я.

И все мы бежим домой, чтобы набрать побольше пакетов.

Через пару минут почти все возвращаются ни с чем:

– Не... мне мама не разрешает, говорит, что так и убить

можно...

– А у меня пакетов дома нету...

– А мне сказали, что нечего зря пакеты переводить...

Только Кате, самой хитрой из всех нас, удалось раздобыть пару пакетов, но так как энтузиазм у всех уже прошел, эти пакеты так и не удостоились чести быть сброшенными на какого-нибудь несчастного прохожего.

Следующая идея появляется у Илюши. У него в морозильнике протухли раки, и он решает найти им применение.

Мы берем тоненькую веревочку, привязываем на один ее конец протухшего рака и перебрасываем веревочку через ветку дерева, прямо над тротуаром. Сами мы прячемся за машиной. Теперь стоит лишь ослабить веревочку, как рак быстро опускается и замирает прямо перед носом обалдевшего и немного испуганного прохожего.

В тот день мы услышали очень много криков и визгов различных тональностей, а также узнали много новых слов.

Ленкин велик

Если дойти от моего дома до Фархадского базара, пройти базар и перейти дорогу, то попадешь на 23-й квартал. Там живут Ленка и Костик – мои лучшие друзья. А еще там есть школа №44 с большим стадионом. Недавно Ленка научила меня кататься на велике. Я и раньше умела, но на маленьком, детском. А у Ленки велик большой, взрослый, ездить на нем

получается намного быстрее, чем на маленьком.

Мы с друзьями часто собираемся на 23 квартале и гуляем там. Однажды нас собралось человек семь. И тут кому-то пришла в голову идея устроить велосипедные гонки. Всем скопом мы побежали к Ленке домой, взяли велосипед и пошли на стадион. Как можно устроить гонки, когда велосипед – один на семерых? Правильно: кататься по очереди! Лене, как владелице велика, выпала честь ехать первой.

– На старт! Внимание! Ма...

– Постойте, а как мы время-то измерять будем?» – Ксюша обрывает Илью на полуслове.

– А что, часов ни у кого нету? – спрашиваю я с удивлением.

– Не-а, все счастливые, – Костик говорит свою любимую фразу.

– Придется считать самим, – решает Ира и кто-то добавляет:

– Вслух.

Итак, всё выяснили и соревнования начинаются. Лена поехала, а шесть человек громко на весь стадион кричат: «Раз... Два... Три... Четыре...». Ленке удалось объехать полный круг за 93 «секунды». После Лены еду я, естественно, намного медленнее, потом Ирка, Костик, Ксюша... Наконец очередь доходит до Ильи. Он садится на велосипед и по команде марш начинает ехать. Когда он объезжает пол стадиона, я замечаю, что если он продолжит движение с такой же

скоростью, то обыграет всех нас. Поэтому я начинаю считать чуть быстрее. Заговорщически переглянувшись, все остальные следуют моему примеру. В итоге Илья проезжает дистанцию за 125 «секунд». Он немного удивлен и разочарован. Но ничего не поделаешь, одному против шести поспорить не получится.

«Мне всю рожу разворотило!»

Снег в Ташкенте выпадает редко, а тает быстро. Поэтому пока он лежит, все дети стараются вдоволь наиграться. Повсюду стоят снеговики, на всех склонах ледяные горки. В нашем дворе горок несколько. Но самый крутой спуск находится у торца дома, где стоит кривое дерево.

Мы с Ленкой гуляем вокруг моего дома и, увидев этот спуск, решаем с него скатиться. Так как под руками ничего нет, приходится ехать просто так, на корточках. Сначала съезжаю я. Внизу горки я встаю и освобождаю место для Лены. Она отталкивается и едет вниз. Тут я вижу, что Ленка едет прямо в угол дома. Лена, очевидно, тоже это замечает, и, желая избежать столкновения, сворачивает. Надо же было, чтобы именно там, куда он свернула, из-под земли торчала железка. Со всего размаху Ленка влетает в эту железку.

Я, испуганная, подбегаю к ней:

– Лен, с тобой все в порядке? Сильно ударилась?

Ленка поднимается. Верхняя губа у нее сильно расцара-

пана и по подбородку бежит струйка крови.

– Ой, Лен, у тебя кровь идет!

Ленка смотрит на меня и... начинает смеяться:

– Что, Ань, мне всю рожу разворотило?

Тут я начинаю беспокоиться уже всерьез. Я, конечно, понимаю болевой шок и все такое. Но у Ленки какая-то слишком неадекватная реакция.

Я веду ее к себе домой. Всю дорогу Ленка смеется. Дома мы останавливаем кровь и царапины становятся почти незаметными. К этому времени Лена успевает немного успокоиться, и приступы смеха проходят.

– Что ты так смеялась, когда губу расквасила? – спрашиваю я.

– Ань, ты так испуганно на меня смотрела, что можно было подумать, что мне по крайней мере всю рожу разворотило, – говорит Ленка и заходится смехом. Теперь уже вместе со мной.

Абдумалик

Недавно в соседний дом переехал новый мальчик. Смуглый, темноволосый узбек. Имя у него узбекское: Абдумалик – язык сломаешь. Меня узбеки не интересуют. Зато этот Абдумалик очень заинтересовал всех девчонок нашего двора. Целыми днями они сидят на скамейке и ждут, когда же он выглянет в окошко. А когда Малик выходит поиграть в бас-

кетбол – на площадке аншлаг. Мы с моей подружкой Ленкой смеемся над этой «цепной реакцией».

Сегодня вечером, когда я выхожу гулять с собакой, ко мне подходит Дашка – мы с ней дружим, хотя она на год или на два младше меня.

– Ань, пойдём с Маликом познакомимся, – предлагает она,

– Не, я не хочу. Да и тебе зачем он нужен?

– Ну пойдём... Вот Катька с Надькой уже с ним познакомилась. Они даже в карты с ним играли...

– Даш, он узбек. Неужели, ты будешь знакомиться с узбеком? – спрашиваю я. С узбеками у нас давнее недопонимание. Мы их не любим за их ненависть к собакам, которых они считают воплощением нечистой силы и называют «шайтан». Они нас тоже не любят по каким-то своим причинам.

– Нет, он не узбек. Точно. Я слышала, что он с мамой порусски разговаривает.

– Ну тогда иди, знакомься, если тебе так хочется.

– Нет... Я одна стесняюсь, – Дашка смотрит на меня так жалобно, что я соглашаюсь:

– Ладно, пойдём. Только познакомимся. Общаться я с твоим, как его... Маликом... не собираюсь.

Дашка счастлива, во-первых, потому что ей удастся познакомиться с Маликом, во-вторых потому, что я с Маликом общаться не буду – как-никак одной «соперницей» меньше.

Я завожу собаку домой, а потом больше часа мы с Дашей

гуляем по двору, в ожидании прихода Малика. Он куда-то ушел со своим другом Максимом. Всякий раз, когда я порываюсь пойти домой, Дашка уговаривает меня:

– Ну совсем чуть-чуть ведь осталось. Они вот-вот придут, – и я остаюсь...

Наконец, в темноте появляются две фигуры. «Идут», – шепчет Дашка и тащит меня на скамейку около подъезда Малика. Мы присаживаемся и делаем вид, что выбрали именно эту скамейку абсолютно случайно, и что нам дела ни до кого нет.

Ребята все прекрасно понимают и подходят к нам:

– Девушки, можно с вами познакомиться?

Дашка польщена тем, что ее, 12-летнюю девчонку, назвали девушкой и на одном дыхании выговаривает:

– Да! Меня зовут Даша. Это Аня. А вас как зовут?

Ребята представляются. Потом мы болтаем еще около получаса, и я начинаю собираться домой. Дашке мама не разрешает гулять одной так поздно, и ей приходится идти со мной.

– Ну, как тебе? Правда, они классные? – спрашивает меня Дашка, пока мы идем.

– Не знаю. Мне не понравились. Этот Малик слишком много о себе думает. Вы все бегаете за ним, вот он и возомнил о себе невесть что. А Максим... ну он, по-моему, лучше, но все равно он мне не нравится. Так что, Даш, ты, конечно, общайся, дружи с ними, а я не собираюсь. Мне и сво-

их друзей хватает.

Знала бы я тогда, что пройдет совсем немного времени и этот Малик станет одним из моих самых лучших друзей.

Француз

Сегодня у меня был длинный день. С утра я отсидела семь уроков в школе, потом еще два часа во Французском культурном центре. Вечером, когда я, наконец, пришла домой в надежде отдохнуть и, может быть, сделать домашнее задание, папа предлагает мне поехать с ним в ресторан. Там будет француз, который приехал заключать какой-то контракт с авиакомпанией. Отказаться от перспективы пообщаться с французом я просто не могу, ведь мне нужно совершенствовать мой французский. Вы когда-нибудь собирались в ресторан за пять минут? Мне пришлось. Блузка, пиджак, мамины брюки (своих у меня нет – я ношу только джинсы), туфли на платформе, чтобы казаться выше – вот я и готова. На ходу поливаю себя духами и бегом спускаюсь к машине. Пока мы едем, я думаю: интересно, какой он, этот француз? Перед глазами встает образ из книжки «Le français moyenne» – среднестатистический француз. Он маленького роста, у него волнистые темные волосы, и нос, как клюв у орла. Пока я думаю, мы подъезжаем к ресторану. Заходим внутрь полутемного помещения, и я начинаю глазами искать француза. Но среди посетителей нет никого, кто хоть сколько-нибудь

походил бы на мой книжный образ. Мы подходим к нашему столу, и среди знакомых лиц летчиков, я замечаю одно, которое раньше мне не встречалось.

– Папа, это и есть француз? – шепотом спрашиваю я,
Да, – кивает папа,

– Но он же не похож на француза! – говорю я, удивленная желтой кожей и узкими глазами французского бизнесмена.

– Он француз китайского происхождения. Лей Зенг, – и папа представляет нас друг-другу.

На вечер меня сажают рядом с Леем. Я очень довольна соседством и весь вечер разговариваю с Леем на французском, переходя на английский только тогда, когда не могу подобрать слов.

Домой я уезжаю в восторге: ведь это первый француз, с которым мне удалось поговорить, кроме того, завтра мы с папой пойдем показывать Лею город, и мне опять удастся попрактиковаться.

Назавтра мы едем в центр города. Встречаем Лея около гостиницы «Узбекистан» и идем по более или менее стандартному туристическому маршруту: Сквер Амира Тимура – там стоит памятник национальному герою верхом на коне. Именно на коне – это хорошо видно, если обойти памятник сзади. Скульптор не пренебрегал деталями. Площадь Независимости, на которой теперь стоит глобус Узбекистана. Старый город – огромный базар, где можно недорого купить любые сувениры и украшения. Медресе – мусульман-

ское учебное заведение, где студенты живут в маленьких кельях, в которых помещается только кровать, стол и унитаз. Мы гуляем по всему городу.

Все это время проходит в оживленных беседах. Папа разговаривает с Леем на английском, а я на французском. С папой я разговариваю тоже по-английски. Говорить по-русски в присутствии человека, не понимающего этого языка, по крайней мере, невежливо.

Лей постоянно шутит, рассказывает разные истории. Я стараюсь не отстать и поведать ему как можно больше про наши Ташкентские достопримечательности. Он рассказывает и про себя тоже. В 18 лет он уехал из бедной провинции Китая в поисках лучшей жизни. Во Францию он приехал со ста долларами в кармане, зная всего три слова по-французски. Работал то там, то тут. Сейчас у него крупная компания, в распоряжении которой находятся авиа-тренажеры, на которых учатся пилоты из многих стран.

Я смотрю на Лея с восхищением. Он добился всего в этой жизни сам!

После посещения достопримечательностей мы идем кушать шашлыки в маленьком кафе около речки. Я пытаюсь научить Лея говорить слово «шашлык», но у него получается только что-то вроде «счастылик».

Перед тем как попрощаться мы обмениваемся сувенирами. Мы с папой дарим Лею маленькую керамическую фигурку узбека, жарящего шашлыки, а Лей дарит мне француз-

ские духи и шейный платок...

По дороге домой я считаю: «Через четыре года мне будет восемнадцать, а ему сорок четыре... в принципе он будет еще довольно молодым...»

Ежевика

Новенького – уже не помню, как его звали – в нашем классе невзлюбили сразу. На это были вполне веские причины. Во-первых, новенький заявился к нам неожиданно-негаданно посреди учебного года. Во-вторых, он был несколько глуповат. Возможно, мы бы охотно простили ему вышперечисленные прегрешения, если бы не было третьей причины. Новенький попросту вонял. Казалось, что про то, что существует мочалка и мыло, он знал только понаслышке. А про их предназначение не догадывался вообще. На переменах все старались держаться от новенького подальше, и на уроках он сидел один.

Однажды, учитель рисования, Борис Михалыч, проходя мимо парты, за которой сидел новенький, остановился, принюхался и сказал:

– Как-то у вас тут странно ежевикой пахнет...

С тех пор новенького стали называть Ежевикой.

В конце учебного года с Ежевикой приключилась неприятная история. Он подрался так сильно, что попал в больницу. Точнее дрался не он, а дрались с ним. Наш однокласс-

ник Игорек, то ли по своим каким-то личным мотивам, то ли выражая мнение коллектива, побил Ежевику. Сам он оплатился за это сломанным носом и парой синяков.

Если кто-то думает, что впоследствии мы всем классом ходили в больницу навещать Ежевику, и что он в итоге оказался неплохим парнем, и что в следующем году мы с ним подружились, то вынуждена вас огорчить: такое обычно бывает только в добрых книжках про пионеров и октябрят. У нас же было все по-другому. Ежевику мы больше не видели – он, очевидно, перешел в другую школу.

А мораль этой истории проста, как в детском стишке: «Надо, надо умываться по утрам и вечерам, а нечистым трубочистам стыд и срам!»

Экзамен по ИНН

После девятого класса у нас экзамены. Мы сдаем математику, русский язык, историю Узбекистана, узбекский язык и что самое глупое: предмет, который называется ИНН – «Идея национальной независимости и основы духовности». На уроках по этому предмету нас учили любить наш Узбекистан. Мы должны были говорить как мы рады, что живем в такой чудесной стране и что у нас такой замечательный президент. Естественно, наше обучение не принесло желаемых плодов, но экзамен сдавать все равно придется. Хорошо еще, что наша учительница заранее сказала нам, как она разложит

билеты, так что пришлось учить не тридцать билетов, а всего один. Я выбрала себе наименее патриотический билет №15, чтобы не приходилось пересиливать себя, говоря про наше великолепное правительство, про нашу любимую Родину и про нашего мудрого президента.

Со спокойным сердцем я иду на экзамен. Уверено подхожу к столу, отсчитываю 14 билетов и беру пятнадцатый по счету. Но...это не пятнадцатый билет...это шестнадцатый. Я быстро пробегаю глазами по аккуратно лежащему рядку билетов и понимаю, что начала считать не с того края. Сначала я хочу поменять билет и взять свой, пятнадцатый, но прочитав вопрос шестнадцатого билета «Что такое национальная гордость?», я решаю отвечать. Что-нибудь наплету.

Минут десять я готовлюсь, потом сажусь напротив Сергея Владимировича. Он наш учитель по ГосПраву, но почему-то принимает экзамен по ИНН.

Я начинаю «лить воду»: «У любого народа есть своя национальная гордость... Гордиться своей нацией просто необходимо, для того чтобы быть достойным гражданином своей страны... Узбеки очень гордятся своей нацией...»

Тут Сергей Владимирович обрывает меня:

– Вот ты кто по национальности?

– Я русская, – отвечаю я,

– Хорошо, чем ты гордишься у русских?

Я задумываюсь, потом вспоминаю книжку Алексея Толстого «Петр I», которую я недавно пыталась прочитать, и го-

ворю:

– Например, я горжусь Петром I.

– А чем еще? – продолжает допрашивать меня Сергей Владимирович

Как я не напрягаю мозги, ничего, чем можно было бы гордиться русским, мне в голову не приходит. И мне не остается ничего, кроме как сказать:

– Знаете, Сергей Владимирович, я вообще-то не русская. Я мордовка.

Рассмеявшись, он говорит:

– Ладно, мордовка, иди, «пять».

«Сяка»

Из всех уроков в школе больше всего я не люблю английский язык. Это так скучно: целый урок делать какие-то глупые упражнения и отвечать неправильные глаголы. Тем более, всё, что мы проходим сейчас, я знаю уже давно. Поэтому на уроке я обычно либо не делаю ничего, либо учу другие предметы. Наша англичанка, Ольга Андреевна, меня тоже не любит, но ничего ниже пятерки мне поставить не может – я отличница, иду на медаль, кроме того, знаю язык лучше любого другого в нашем классе. Поэтому Андреевна решает отыгаться на моей подружке Ирке.

Англичанка задает Ирке переводить сложнейшие предложения и тексты, спрашивает ее каждый урок. Но, так как мы

с Ирккой сидим вдвоем за последней партой, мне удается ей подсказывать, и Ирка почти всегда отвечает хорошо. Англичанку такой расклад не устраивает, и она решает рассадить нас в разные концы кабинета.

Мы с Ирккой некоторое время сопротивляемся, но после того, как Андреевна обещает поставить Ире тройк за четверть, если мы будем сидеть вместе, я пересаживаюсь за первую парту в соседнем ряду.

Теперь я сижу одна, мне скучно, и так тянет пообщаться с Ирккой. Вслух не поговоришь, и мы начинаем общаться языком жестов. Недавно мне показали настоящий алфавит глухонемых, и я научила ему Ирку. Конечно, особо много таким образом не скажешь, и подсказать тоже не удастся, но для того, чтобы выразить эмоции алфавита вполне достаточно. Я внимательно слежу за движением Иркиных пальцев, которые показывают одну букву за другой. Первое слово я разбираю без труда: «АНГЛИЧАНКА». Второе же никак не могу понять: «СЯКА». Что за сяка? Я придаю лицу как можно более вопросительное выражение и смотрю на Ирку. Та тоже смотрит на меня с удивлением и повторяет фразу. Я все равно не могу разобрать второе слово и жестами объясняю это Ирке. Ирка показывает «ЗАБЕЙ» и тут звенит звонок. Мы выходим из кабинета, и я спрашиваю у Иры, что же такое «сяка».

– Какая сяка? – Ира удивлена,

– Ну, покажи фразу, которую на уроке показывала,

Ира последовательно показывает кистью руки всю фразу,

которую я параллельно произношу по буквам. А-Н-Г-Л-И-Ч-А-Н-К-А – С-Я-К-А. Ирка в недоумении смотрит на меня, а потом ее лицо озаряет радостная улыбка:

– Блин... «у» с «я» перепутала. А ты могла бы и догадаться!

Только штаны не снимай!

Летом в Ташкенте жарко. Асфальт раскален так, что от него поднимается пар. Воздух, горячий как в печи, заставляет всех разойтись по домам, включить кондиционеры и, поставив около себя большую чашку с абрикосами, смотреть телевизор. С полудня до сумерек жизнь на улицах замирает. Но сегодня мне придется оживить пустынный уличный пейзаж своим присутствием. Папа пообещал свозить нас вечером искупаться на озеро, если мы помоем машину. Почти час мы с Олежкой отмываем от Ташкентской пыли нашу красную «Ауди». Когда машина уже сверкает чистотой, выясняется, что у родителей какие-то дела, и им нужно часа на два уехать. Олежка решает ехать с ними, а я остаюсь одна. Мне дают ключи от квартиры и желают приятно провести время. Я смотрю, как наша чистая машина скрывается за поворотом, а потом понимаю, что наедине с телевизором приятно провести время мне не удастся. Я крепко сжимаю ключи, чтобы не потерять, и иду к Малику. Он открывает мне дверь:

– Заходи.

Я прохожу в комнату. У Малика в квартире всегда идеальная чистота: все лежит на своих местах, нигде ни пылинки, и даже в воздухе стоит запах свежести. Я сажусь на диван и замечаю, что на столе лежат учебники: Малику в этом году поступать в институт, и он готовится к сдаче экзаменов.

– Ты занимайся, – говорю я, – А я сама посижу. Мне просто одной дома сидеть скучно...

– Да ладно, я уже начитался сегодня учебников, – Малик подсаживается ко мне и за разговорами время проходит незаметно. Глянув на часы, я думаю, что мама с папой должны были уже вернуться. И, собравшись пойти домой, замечаю, что ключей у меня в руке нет. Должно быть, я положила их на полочку. Но и на полочке ключи отсутствуют.

– Малик, ты не видел, куда я дела ключи?

– Видел. Найдешь – забирай, – Малику захотелось поиграть в прятки. Я включаюсь в игру:

– Хорошо. Только будешь говорить, где горячо, а где холодно.

Следующие пять минут я осматриваю комнату, а Малик в ответ на мой вопросительный взгляд постоянно повторяет: «Холодно... Очень холодно». И вдруг я слышу звон ключей – они у Малика в кармане. Я довольно бесцеремонно засовываю руку ему в карман, и Малик со смехом говорит: «Ань, только штаны не снимай!»

Надо же было нам в этот момент оказаться около настержь

открытого окна, за которым, несмотря на жару, проходили несколько наших общих знакомых! Что они о нас подумали остается только догадываться.

Звонок из США

Сегодня у нас было первое собрание всех получивших грант на год обучения в США. На собрании было человек 30 – это финалисты из Ташкента. Всем не терпится поскорее узнать, в каком штате и с какой семьей они будут жить. Я не исключение. Несколько раз я, закрыв глаза, тыкала пальцем в карту, и постоянно попадала в Род-Айленд, малюсенький штат на Западном побережье. Наверное, поеду туда, решила я.

На собрании, где я так надеялась получить всю информацию, нас расстроили, сказав, что некоторые из нас, возможно, не будут знать, с какой семьей они будут жить, до самого отъезда. Что же, придется подождать.

Когда мы пришли домой, у меня поднялась температура. Это оттого, что всю вчерашнюю ночь я проспала в зале на матрасе, смотря американские фильмы и пытаюсь хоть немного оживить в памяти английский язык.

А сейчас больная, я лежу на диване, смотрю телевизор и пью чай с медом. Тут раздается телефонный звонок. Мама берет трубку, некоторое время слушает, потом протягивает трубку мне:

– Кажется это тебя,

Я подхожу к телефону и слышу мужской голос:

– I need to talk to Anna

Я начинаю говорить и то ли от волнения, то ли от высокой температуры, я говорю на французском: «C'est moi, – и тут же поправляюсь, – It's me, Good evening».

– Hello, this is Ralph Burner. You will stay with our family, – я не верю своим ушам. Неужели это и есть моя принимающая семья? А нам говорили... И от волнения опять перехожу на французский:

– D'ou etes vous? Ой... Where are you from?¹

– We live in Michigan, – отвечают на том конце провода, и я шепотом говорю маме, что поеду в Мичиган. Мама начинает искать его на карте. Нашли! Мичиган находится на севере США и окружен Великими Озерами. Здорово!

Потом Ральф Бурнер говорит мне, что у него 8 детей и 15 внуков, что они живут в маленьком городке, под названием Монтроз. Я же почти ничего не могу ему рассказать. Я попросту забыла весь английский и вместо него говорю на французском.

– Well, I will need your e-mail address, – говорит Ральф, и я с трудом по буквам диктую annie@albatros.uz. Самые большие проблемы у меня с собачкой. Символ «@» они называют не «dog» или «frog», а «a commercial». В итоге, мне удастся продиктовать мой адрес через пару минут на него приходит

---

¹ Откуда вы? (фр.) Откуда вы? (англ.)

письмо. Первое письмо от Ральфа.

Cider Point

Наша церковь организовала поездку в парк развлечений Cider Point. Это классный парк: там находятся шесть из десяти самых крутых американских горок мира! Поездка стоит недорого: всего двадцать долларов. В эту стоимость входит и дорога, и целый день пребывания в парке. Нам сказали, что мы можем приводить друзей, и я решила, пригласить своих. Итак, со мной едут Келли, Челси, Джеред, Джон, Масами, Ник, Дженнифер и Элисон. Вместе со мной получается девять человек. Мы здорово проведем время!

Выезжаем мы рано утром, пока на улице еще темно. Дорога в парк займет часа четыре. На трех машинах мы добираемся до церкви, а там садимся на колымагу, гордо именуемую Церковным автобусом.

Несмотря на то, что дороги в США значительно лучше, чем в Узбекистане, мы все равно находим кочки, и автобус подпрыгивает на каждой из них. Вскоре мне становится плохо, и я, завернувшись в одеяло (благо у американцев есть привычка таскать с собой небольшие одеяла в долгие поездки), засыпаю на плече у Ника. Будят меня, когда мы уже на подъезде к парку.

Вот он, Cider Point! Мне сразу становится лучше, и мы бежим занимать очередь на аттракционы. Выстояв около по-

лучаса, мы, наконец, забираемся в кресла. И... поехали!

Ну и ощущения! Я бы с удовольствием прокатилась еще раз, но слишком долго ждать.

Потом мы катаемся на американской горке, на которой надо ехать стоя, потом на горке, где нет пола и ноги болтаются в воздухе, потом еще на одной, потом еще...

Тут мы видим, что только что открыли еще одну горку. Она не очень крутая, но и народу там не очень много. Мы идем туда. Через четверть часа, мы уже сидим пристегнутые в креслах. «Поезд» трогается и быстро набирает скорость. Впереди первая мертвая петля. Она прямо надо водой. На секунду над головой мелькает голубой пруд и снова небо. Теперь мы поднимаемся выше. И вдруг, когда мы находимся на высоте около тридцати метров, поезд резко останавливается. Мы пытаемся заглянуть вперед и выяснить, что же случилось. Оказывается, оборвалась цепь, на которой движется «поезд». Интересно, что будет дальше. Я поворачиваюсь к Джереду, и трагическим голосом начинаю говорить:

– Джеред, я давно хотела тебе сказать... И вот сейчас как раз подходящий момент... Теперь, когда мы все умрем, я могу признаться тебе...

– Что? – Джеред смотрит на меня удивленно – вопросительно,

– Ты что фильмы не смотришь? – от пафосно-трагичной, я перехожу к обычной манере разговора. Теперь Джеред понял и подхватывает:

– Да, Аня, я тоже давно хотел тебе признаться... С самого первого дня как я увидел тебя...

Наши признания прерывает девушка-работник парка. Она проходит мимо нас, извиняется за причиненные неудобства и говорит, что мы будем спускаться по пожарной лестнице.

Мы начинаем по очереди выходить из «машин». Спускаться по лестнице немного страшно, но, наконец, мы все на земле. Там всем дают купоны, позволяющие пройти на один любой аттракцион без очереди. Это для того, чтобы мы не подали в суд и не попросили компенсацию морального ущерба. У них так принято, у американцев.

По этим купонам мы проходим на самую высокую горку. В очереди на нее пришлось бы стоять часа два.

У стоматолога

Позавчера я приехала из Америки. Первую ночь, я не спала, разбирая чемоданы и пытаюсь вспомнить как это – говорить по-русски. Несколько раз я начинала что-то объяснять маме на английском и только по удивленному выражению ее лица понимала, что говорю что-то не то. На следующий день я ходила в школу, встречалась с Костиком и Маликом. И вообще была занята. А ночью у меня разболелся зуб. Разболелся так сильно, что уснуть я так и не смогла. Учитывая то, что не спала я уже больше пятидесяти часов, чувствовала я себя

не очень хорошо.

На следующий день с утра я пошла к стоматологу. Вот я и в маленькой стоматологии прямо около моего дома.

– Зуб болит, – жалуясь я стоматологу, – вот этот.

Она осматривает мой зуб и заявляет, что нужно ставить пломбу.

– Все что угодно, лишь бы не болел, – говорю я

Стоматолог замораживает мне нерв и по мере того, как половина лица теряет способность двигаться и чувствовать, боль утихает, и... я засыпаю. Сказывается усталость. Меня будят, и лезут ко мне с визжащей бормашиной. Но, несмотря на мою отчаянную борьбу с Морфеем, через минуту я опять сплю. Меня снова будят, я опять засыпаю. После пятой попытки стоматологу видимо надоедает и она, положив мне на зуб какое-то обезболивающее и уверив, что болеть не будет, предлагает мне прийти завтра. Я с радостью соглашаюсь, иду домой, и, забравшись в кровать, засыпаю часов на двенадцать.

«Камикадзе» или ...

Ташкентский аквапарк – место в высшей степени замечательное. Во-первых, там чисто. Во-вторых, трава там даже в июле еще зеленая. В-третьих, там есть большие водные горки, с которых так весело кататься. Для Ташкентцев, измученных летней пылью, сухостью и жарой, аквапарк – поиско-

тине спасение. Билет на три часа стоит всего пять долларов, а удовольствия хватит на неделю вперед.

Мы пришли в аквапарк поздно, когда все лежаки были уже заняты. Для нас это конечно не проблема. Бросив полотенца на траву, мы идем кататься с горок. Вдоволь накатавшись и наплескавшись в бассейне, мы с Маликом растягиваемся на траве, чтобы немного позагорать. Солнце печет так сильно, что, если облить себя водой, она испарится уже через несколько минут. Я еще не сплю, но веки уже стали такими тяжелыми, что открыть глаза я не могу. Со всех сторон копошатся и разговаривают люди, играют дети, постепенно все голоса сливаются в шум, в котором даже нельзя разобрать отдельных слов... От этого состояния полусна меня пробуждает голос, раздающийся прямо над ухом:

– Малик, ну пойдем со мной на камикадзе!

– Нет, Олег, ты иди, а я тут посижу – судя по голосу Малика, Олег уже давно его мучает, уговаривая сходить на самую большую белую горку – Камикадзе. Она высотой, наверное, с пятиэтажный дом, а может и выше. Я сама только в прошлом году решилась, наконец, скатиться с нее, но второй раз я вряд ли бы на это пошла. Чтобы Олежка даже не попытался уговорить меня сходить с ним, я притворяюсь, что сплю.

– Малик, ну пошли... ну пойдем, ходим со мной... ну пошли на белую горку...

– Да иди ты на свою камасутру! – вырывается у Малика и тут он понимает, что ляпнул что-то не то. Народ, сидя-

щий вокруг, с любопытством оглядывается в нашу сторону буквально на пару секунд, а потом каждый возвращается к своим делам. Очевидно, оглянувшись, они надеялись застать более интересную картину, чем им пришлось созерцать.

Хомячья эпопея

Когда мы были в Актюбинске, в гостях у бабули, она дала мне и Олежке денег, чтобы мы купили себе что-нибудь на память. Я быстро потратила свои, купив золотые сережки и сумку, Олежка же сохранил деньги до приезда в Ташкент. Когда я спрашиваю его, что же он себе купит, он отвечает:

– Я копить буду,

– А на что копить? – интересуюсь я,

– Не знаю. На что-нибудь.

Сегодня он подходит ко мне радостный:

– Я знаю, что я куплю. Я хочу тамагочи!

Мы собираемся и идем в магазин покупать тамагочи. Но ни в одном магазине их нет. По дороге мы заходим в зоомагазин. Я люблю туда заходить. Столько разных зверюшек: мышки, канарейки, попугайчики, рыбки! Олежка внимательно рассматривает хомяков в аквариуме:

– Ань, а давай не будем покупать тамагочи. Давай лучше купим живых хомяков.

Идея мне нравится, и мы быстро считаем Олежкины деньги. Как раз хватит на пару хомячков и на клетку.

– Дайте нам двух разнополых хомячков и клетку, пожалуйста.

Молодой продавец-узбек достает серого и белого хомяка, долго их рассматривает, а потом говорит нам:

– Вот. Серий малчик. Белый дэвочка.

Потом он сажает их в клетку, и мы с Олежкой довольные идем домой.

– Ну что, купили тамагочи? – спрашивает мама, открыв нам дверь

– Ага. Только живых . . . , – и мы заносим клетку в квартиру.

Хомяки мамиными заботами и папиным трудом по очистке сначала клетки, а потом большого аквариума с затейливо устроенными «пампасами» прожили у нас несколько лет, давая обильное потомство, которое мы регулярно относили в зоомагазин.